

Научная статья

УДК 94(47)“18”

DOI: 10.32516/2303-9922.2026.57.13

Институт султанов-правителей как элемент интеграционной политики Российской империи в Младшем жузе (1824—1867 гг.)

Игорь Русланович Прохоров

Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан, prohorov1974@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5952-3867>

Аннотация. В статье рассматривается введение Россией института султанов-правителей для руководства казаками Младшего жуза (Малой Орды) в 1824 г. При этом ханская власть в Младшем жузе отменялась, а территория жуза делилась на три административные единицы — западную, среднюю и восточную части. Преобразования были связаны с пониманием российской администрацией неспособности ханов нормализовать ситуацию в Орде, создать там мирную обстановку. При отсутствии в казахской степи российских административных, военных и судебных пунктов эта мера была необходима. Российская империя использовала институт султанов-правителей для упрочения своего влияния в степи. Первыми новые должности получили наиболее влиятельные султаны Младшего жуза. Каратай Нуралиев был назначен султаном-правителем западной части, Темир Иралиев — средней, Жума Худаймендин — восточной. Отдельным регионом жуза стала Внутренняя (Букеевская орда), кочевавшая на правобережье Урала и в астраханских степях. В ней ханская власть сохранилась. Вместе с тем опыт деятельности султанов-правителей выявил и серьезные недостатки новой организации управления: коррупцию, слабость власти, отсутствие авторитета, сложности с судопроизводством. Тем не менее султаны-правители сыграли одну из решающих ролей в интеграции Младшего жуза в Российскую империю.

Ключевые слова: Россия, Младший жуз, казахи, султаны, Оренбург, административные реформы, Внутренняя (Букеевская) орда.

Для цитирования: Прохоров И. Р. Институт султанов-правителей как элемент интеграционной политики Российской империи в Младшем жузе (1824—1867 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2026. № 1 (57). С. 190—206. URL: http://vestospu.ru/archive/2026/articles/57/13_57_2026.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2026.57.13.

Original article

The Institution of Sultan-Rulers as an Element of the Integration Policy of the Russian Empire in Junior Zhuz (1824—1867)

Igor R. Prokhorov

National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, prohorov1974@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5952-3867>

Abstract. The article examines the Russia's introduction of the institute of sultan-rulers to lead the Kazakhs of the Junior Zhuz (Junior Horde) in 1824. At the same time the Khan's power in the Junior Zhuz was abolished, and the territory of the Zhuz was divided into three administrative units — the western, middle and eastern parts. These changes were prompted by the Russian administration's recognition of the khans' inability to normalize the situation in the Horde and create a peaceful environment there. Given the absence of Russian administrative, military, and judicial posts in the Kazakh steppe, this measure was necessary. The Russian Empire used the institution of sultan rulers to consolidate its influence in the steppe. The most influential sultans of the Junior Horde were the first to receive new positions. Karatai Nuraliev was appointed sultan-ruler of the western part,

© Прохоров И. Р., 2026

Temir Iraliev of the middle, Zhuma Khudaimendin of the eastern. The Inner Horde (Bukeyev Horde), nomadic on the right bank of the Ural and in the Astrakhan steppes, became a separate region of the Zhuz. Khanate authority was retained there. However, the experience of the sultan-rulers also revealed serious shortcomings of the new administrative structure: corruption, weak authority, lack of credibility, and difficulties with judicial proceedings. Nevertheless, the sultan-rulers played a decisive role in integrating the Junior Zhuz into the Russian Empire.

Keywords: Russia, Junior Zhuz, Kazakhs, sultans, Orenburg, administrative reforms, Inner (Bukeyev) Horde.

For citation: Prokhorov I. R. The Institution of Sultan-Rulers as an Element of the Integration Policy of the Russian Empire in Junior Zhuz (1824—1867). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2026, no. 1 (57), pp. 190—206. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2026.57.13>.

Введение

Административные преобразования Российской империи в казахской степи в XIX столетии были неотъемлемой частью процесса интеграции этих территорий в систему централизованного имперского управления. Однако анализ этого явления вызывает радикально противоположные оценки в различных историографических школах.

В дореволюционной историографии, представленной трудами российских чиновников, ученых и военных — М. А. Терентьева [32], Н. А. Середы [30], А. М. Макшеева [13] и П. И. Небольсина [18], превалировало мнение о прогрессивном значении этого события для казахского народа.

Отдельное исследование института султанов-правителей опубликовал в 1902 г. А. И. Добросмыслов. В своем труде «Тургайская область. Исторический очерк» он посвятил им отдельную главу [8]. Этот дореволюционный исследователь отмечал, что большинство авторов, занимавшихся до него историей казахов, огульно называли всех султанов-правителей бездельниками, грабителями и применяли к ним иные подобные эпитеты, совершенно упуская из виду, что многие из правителей по уму и честности были выдающимися людьми. Однако их служба проходила в таких обстоятельствах, преодолеть которые было трудно и несултанам-правителям [8, с. 278].

Ситуация изменилась в ранний советский период (до 1941 г.), когда исследователи придерживались отрицательной оценки присоединения казахов к России. В эти годы доминировала концепция «наименьшего зла». Такие историки, как С. Д. Асфендиаров [2] и Е. Б. Бекмаханов [3], отрицали добровольный характер вхождения казахских земель, рассматривая его через призму национально-освободительной борьбы против царизма.

После 1945 г. советская историческая наука приняла новую доктрину, согласно которой вхождение казахов в состав империи было добровольным и оказало положительное влияние на регион.

С распадом СССР историография новых независимых государств вернулась к негативным мнениям 1920—1930-х гг. Некоторые современные историки стали позиционировать Российскую империю как главного антагониста казахского народа. Российский востоковед В. А. Моисеев отметил, что в казахстанских работах 1990-х гг. наблюдалась тенденция к идеализации отношений казахских правителей с соседними ханствами, такими как Хива, Коканд и Бухара [16, с. 39].

Современные российские исследователи утверждают, что в ходе трансформации политического контроля — от протектората до прямого централизованного управления — позитивные последствия для региона значительно перевешивали негативные [7, с. 91]. Кроме того, в коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи» отмечается, что национальные историографии часто игнорируют мотивацию центральных властей, необоснованно утверждая, что главная цель империи состояла лишь в том, чтобы ухудшить положение подвластных нерусских народов [31, с. 5]. Российские историки делают вывод, что процесс колонизации, напротив, включал учет интересов местных народов [7, с. 333].

По мысли современного исследователя Г. Б. Избасаровой, стабилизация жизни в Младшем жузе, достигнутая во многом благодаря деятельности султанов-правителей, прекращение внутренних конфликтов (междоусобиц, распрей и баранты) отвечали интересам казахского общества. При этом оценка преобразований, произошедших в традиционном казахском обществе, стала в наши дни острым дискуссионным вопросом. Часть историков выражает сомнение в прогрессивности отказа казахов от исконных форм жизнедеятельности, но признает, что кризис кочевой цивилизации в любом случае требовал модернизации казахского социума. В XIX в. единственным реалистичным путем для этой модернизации было постепенное внедрение европейских принципов и начал, которые несла в казахскую степь Российская империя [9, с. 78].

Исследования исторической географии, административной структуры региона проводила Н. Е. Бекмаханова [4].

Ю. А. Лысенко проанализировала парадигму политики России в отношении казахского общества, ее основные механизмы и направления реализации. Их совокупность позволяет утверждать о вовлеченности казахов-кочевников в процесс модернизации, предполагавший создание качественно новой системы административно-территориального, социально-правового, судебного, экономического устройства казахской степи [12].

И. В. Анисимова исследовала развитие судебно-правовых институтов казахского общества в первой половине XIX в. Модернизационная политика России означала в том числе и реформирование судебной системы казахского общества. Началась ее интеграция в общеимперское правовое пространство. Как пояснила исследователь, наряду с общеимперскими правовыми институтами и нормами сохранились и элементы традиционного суда. Отчасти это было обусловлено патерналистским характером национальной политики Российской империи [1].

Д. В. Васильев приходит к выводу о том, что Россия шла по пути поиска оптимальных административных преобразований с целью превращения Младшего жуза в единое целое с государственным организмом, учитывая при этом особенности местной внутренней и внешнеполитической обстановки [5].

Р. Ю. Почекаев отмечает, что к 1867 г. в казахской степи произошли радикальные перемены политико-административного характера, обеспечившие окончательное ее вхождение в состав Российской империи. Суды биев трансформировались в «народные суды», фактически превратившиеся в низовое звено имперской судебной системы [25].

В целом же комплексного исследования, посвященного деятельности султанов-правителей, в современной историографии создано не было.

Актуальность темы исследования определяется объективной научной потребностью в критическом разрешении противоречий, сложившихся в историографии вопроса, в частности, необходимостью преодоления тенденции к излишней политизации и националистическим трактовкам российско-казахстанских отношений.

Предлагаемое исследование призвано дать объективный аналитический разбор роли имперских административных институтов в жизни казахского общества, что позволит заполнить существующие пробелы в изучении политики центральных властей по отношению к Младшему жузу.

Цель исследования — выявление роли института султанов-правителей как проводника централизаторской административной политики России и ее интересов в Младшем жузе в 1824—1867 гг.

Для достижения поставленной цели в работе сформулированы следующие задачи: проанализировать ключевые нормативно-правовые акты, регламентирующие статус и полномочия султанов-правителей в системе Оренбургской администрации; определить

место института султанов-правителей в административной иерархии региона, включая его подчиненность и сферу управленческого воздействия; систематизировать основные мероприятия и методы, используемые российской администрацией при участии султанов-правителей для интеграции Младшего жуза в состав империи; провести сравнительный анализ эффективности института султанов-правителей на примере антисултанских восстаний в Младшем жузе и антиханского восстания в Букеевской орде; оценить позитивные и негативные последствия использования института султанов-правителей для российского правительства и казахского населения.

В статье применена комплексная методология: историко-генетический метод дал возможность выявить причинно-следственные связи событий в процессе их реконструкции; историко-сравнительный метод был использован для сопоставления административного опыта в Младшем жузе и Букеевской Орде; метод институционального анализа позволил изучить место, роль и функционал института султанов-правителей в административной системе Российской империи.

В основу исследования положены архивные материалы, систематизированные по типам источников и их функциональной роли в решении поставленных задач.

Ключевую роль в исследовании играют материалы делопроизводства Оренбургской администрации (письма, отчеты, протоколы) из фонда Ф-6 «Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора (1771—1881)» Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) и материалы делопроизводства Оренбургского военного губернатора, сохранившиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Они позволяют реконструировать основные мероприятия, методы, а также выявить проблемы и злоупотребления в системе управления. Были использованы следующие дела РГВИА: «По представлению генерал-адъютанта Перовского насчет отмежевки земель от Уральского казачьего войска» [26], «По отношению вице-канцлера о награждении зауряд-хорунжего Кусан-Галия Урманова чином хорунжего с правом носить мундир Уральского казачьего войска» [27], «По донесению Астраханского губернатора о беспорядках и личностях, произошедших между ханом внутренней Киргизской орды Букеевым и старшиной Таймановым» [28]. Привлечены также материалы ОГАОО: «Дело о поездке в Киргизскую степь по служебным делам унтер-офицера Яна Виткевича» [22], «Дело об убийстве киргизами джагалбайлинского рода султана Медятгалия Турдагалиева и усмирении джагалбайлинцев» [21].

Дополнительно использованы статистические источники, в частности «Военно-статистическое обозрение Российской империи» [6].

Источником законодательной базы для исследования стал сборник документов «Материалы по истории политического строя Казахстана» [15].

Новизна статьи определяется введением в научный оборот ряда указанных и ранее неиспользованных архивных материалов.

Результаты исследования

Султаны-правители, являясь чиновниками Российской империи, были ключевым звеном в системе местного управления и контроля над Младшим жузом. Их статус, функции и подчиненность регламентировались имперским законодательством, в частности, соответствующими правовыми актами. Важнейшие среди них — «Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем от 31 января 1824 г.» [15, с. 205—216], «Положение об управлении оренбургскими казахами от 14 июня 1844 г.» [15, с. 216—266].

Административная структура региона была выстроена по принципу иерархии. В Утвержденном мнении комитета говорилось, что Оренбургское азиатское управле-

ние делилось на три уровня. Первый — высший (председатель, 2 советника, 2 асессора, 4 депутата от казахов, 2 депутата от бухарцев и хивинцев, на линии торгующих). Второй — линейный. Вся пограничная линия первоначально делилась на 11 дистанций. Каждой управлял штаб-офицер, именуемый командиром линейной дистанции. Третий уровень — степной. Малая Орда делилась на 4 части: западную, среднюю, восточную и Букеевскую орду. Аул управлялся старшиной, племя — частным правителем, части Орды — султанами-правителями, а в Букеевской орде — ханом [15, с. 206].

Таким образом, султаны-правители напрямую подчинялись Оренбургской пограничной комиссии и оренбургскому военному губернатору, отчитываясь перед ними о своей деятельности. Султаны-правители получали жалованье и содержание. В распоряжение каждого из них были предоставлены казачьи отряды численностью в 200 человек, а для ведения служебной переписки — письмоводители [8, с. 273].

В «Правилах, составленных председателем Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсом для аульных старшин и помощников султанов-правителей 1831 г.» записано, что основными полномочиями султанов-правителей были поддержание порядка в частях орды, предотвращение баранты и междоусобиц, организация кибиточного сбора, а также посредничество между русской администрацией и казахским населением [15, с. 211].

В указанном выше Положении 1844 г. говорилось, что общее управление оренбургскими казахами сосредотачивается в Оренбургской пограничной комиссии. Частное управление составляют султаны-правители, дистанционные начальники и начальники аулов. Все эти должности занимали казахи [15, с. 217].

Предметом обязанностей султанов-правителей и подчиненных им дистанционных и аульных начальников являлись надзор за поведением казахов, содержание их в порядке и постоянной верности российскому правительству, приведение в исполнение мер, которые предписывала Оренбургская пограничная комиссия [15, с. 221].

В «Выписке из объяснительной записки комиссии к проекту положения об управлении в казахских степях 1867 г.» по итогам более чем 40-летней службы султанов-правителей говорилось, что все служащие частного управления назначались правительством, а не по выбору народа. Поэтому они нередко смотрели на свою должность как на источник дохода и позволяли себе вопиющие злоупотребления. Султаны-правители сохранили большую часть недостатков ханской власти, зачастую не пользовались расположением народа [15, с. 259].

Особую тревогу чиновников вызывала невозможность организации действенного контроля за султанами-правителями со стороны центральной власти. Особенно слабо чувствовалось присутствие России в западной части территории оренбургских казахов, граничившей на юге с Хивой [15, с. 260]. Дело в том, что в первой половине XIX в. Хиве принадлежали казахские земли от низовьев Сырдарьи до Эмбы. Казахи неоднократно поднимали восстания против Хивы. Строительство Россией Сырдарьинской линии, начавшееся с укрепления Раим в 1847 г., обеспечило реальную защиту казахов от набегов среднеазиатских ханств [4, с. 125].

Тем не менее султаны-правители принимали деятельное участие в обеспечении интересов России в регионе и оказывали ей неоценимые услуги. Так, в 1825 г. в западной части орды против создания Новоилецкой пограничной линии восстал батыр Жоламан из рода табын. В борьбе с ним принял участие султан-правитель западной части Орды Каратай Нуралиев, а затем сменивший его на этом посту Чингалий Урманов.

Помимо султанов-правителей России служили и султаны, управлявшие отдельными казахскими родами, султаны, не получившие должностей, а также руководители родовых подразделений — старшины, вышедшие из простого народа. К примеру, управляющий

джагалбайлинским родом султан Медятгалий Турдагалиев 17 декабря 1827 г. доставил коменданту Орской крепости захваченных султаном Санали Мурзагалиевым 10 человек, которые скрывались у пограничной линии с намерением пленить приграничных жителей и угнать их скот [19, л. 1].

Кроме того, старшина джагалбайлинского рода билишского отделения Арасланбий Байбагышев и есаул Бадрак Малкаев захватили еще двух человек — Беиса Юзбаева из табынского рода и Бикена Акмамбетова из джагалбайлинского рода. Медятгалий отправил их к орскому коменданту, заявив, что они виновны в незаконном переходе на восточную сторону пограничной линии, похищении лошадей, убийствах и пленении людей. Пленники признались, что они были посланы на линию противниками российской власти в степи — батырами Кутебаром и Арасланом — в числе 20 человек под предводительством башкира Султанбая и казаха джагалбайлинского рода Тюпея [19, л. 1 об.].

В свою очередь Оренбургская пограничная комиссия поручила султанам-правителям обменять этих пленных на попавших в плен жителей Орска — детей Полудовых и урядника Попова. Обмен следовало произвести до 1 мая 1828 г. [19, л. 9]. Оренбургская пограничная комиссия решила отправить пленников Санаева, Байсарина, Утявнина, Ускунбаева в Архангельский гарнизон на службу без наказания, если они окажутся к ней годными, в противном случае — отправить в Сибирь на поселение. Кендырбая Кусяпова, вина которого ясно не была доказана, но объявившего готовность возвратить пленника, оставили с Амангулом Ишбаевым, Пеисом Нарынбаевым и Кулчаем Наурузовым в заложниках для обмена пленными [19, л. 25 об.]. В награду за усердную службу султан Медятгалий Турдагалиев получил от императора Николая I золотую саблю, султан Санали был награжден отрезом ткани парчи [19, л. 43].

Джагалбайлинцы действовали не по заданию правительства и не были инструментом в его руках. К примеру, султан-правитель восточной части орды Жума Худаймендин сообщил оренбургскому военному губернатору, что джагалбайлинцы и чумекеевцы вместе угнали лошадей у кипчаков. Он поручил своему помощнику султану Джигангирову расследовать этот случай баранты, удовлетворить интересы пострадавших. Для задержания виновных Худаймендин советовал своему помощнику обратиться за помощью к комендантам Троицкой, Каракульской, Крутоярской, Усть-Уйской и Звериноголовской крепостей [20, л. 4—4 об.].

Правитель средней части орды султан Юсуп Нуралиев, сменивший Темира Иралиева, в июле 1831 г. донес председателю Оренбургской пограничной комиссии Григорию Генсу, что известный ранее в степи противник России батыр Кутебар из отделения тлеу-кабак рода шекты теперь выказал преданность правительству. При этом он уже два раза уведомил султана-правителя о намерении джагалбайлинцев напасть на его аулы [22, л. 1].

В этой связи Кутебар просил прислать к нему представителя от русских властей, чтобы через него просить прощения за прежние выступления против правительства. Султан-правитель отправил к нему вместе с казахскими старшинами Дусаевым и Идилевым русского разведчика, унтер-офицера Яна Виткевича. Они, прибыв в аул Кутебара, уверили его и кочующих с ним казахов, что власти их простят. К тому же они сообщили, что левый берег реки Урал отдан под кочевья казахам, желающим зимовать у пограничной линии [22, л. 1 об.]. 7 июля 1831 г. Юсуп Нуралиев заверил Оренбургскую пограничную комиссию, что нет причин опасаться крупных восстаний против власти [22, л. 2]. Однако дальнейшие события показали, что это было неправдой.

Практика использования института султанов-правителей показала серьезные недостатки новой формы управления. Зачастую некоторые султаны-правители действовали в своих корыстных интересах, обирали и ущемляли соплеменников, обманывали рос-

сийскую администрацию, объявляя о несуществующих успехах. Поэтому против злоупотреблений султанов первыми поднялись подвластные им роды. Восстание начал род джагалбайлы в июле 1831 г. Джагалбайлинцы напали на аулы своего управляющего — султана Медятгалия Турдагалиева, разграбили все его имущество, а самого султана, его жен и детей убили [21, л. 1].

Оренбургской администрации удалось узнать имена убийц: султана Медятгалия Турдагалиева убили уршанбаевского отделения батыр Тан Сагынбаев и бузбетинского отделения казах Булрай [21, л. 15 об.]. В связи с этим оренбургский военный губернатор предписал правителю восточной части орды султану Жанторе Джигангерову (он сменил Жуму Худаймендина) собрать казахов вверенной ему части, обиженных джагалбайлинцами, и вместе с отрядами Юсупа Нуралиева — правителя средней части орды — отправиться к кочевьям восставших с целью заставить их выдать главных виновников для суда [21, л. 3].

По убеждению российских администраторов, это было антисултанское восстание, ведь его участники расправлялись и с другими представителями казахской знати, а не только с султанами-правителями [21, л. 10]. К примеру, комендант Орской крепости подполковник Исаев в июле 1831 г. сообщил новому оренбургскому военному губернатору Павлу Сухтелену, что отряд джагалбайлинцев численностью до тысячи человек после разграбления султанов и приверженных к ним есаулов откочевал за 40 верст от урочища Арал Тобе, силой взял с собой казахов с семьями и имуществом, кочевавших вместе с султанами. Одна часть вместе с награбленным отправилась в свои аулы, другая — к кочевьям султана-правителя средней части Юсупа Нуралиева с намерением лишить его жизни, а также непременно убить прочих султанов [21, л. 15 об.].

В ответ оренбургский военный губернатор сообщил, что получил из Петербурга 2 тюка подарков для казахской знати и простых казахов, поддерживающих султана-правителя Юсупа Нуралиева. Также этого султана-правителя усилили 50-ю уральскими казаками. Кроме того, в крепость Илецкая Защита были отправлены 2 пушки. Еще 50 казаков с пушками и пехотной командой последовали в кочевья Нуралиева для его спасения. В Илецкой защите готовили к походу в защиту султана взвод тептярей и 60 пехотинцев с офицером [21, л. 17 об.].

По объяснениям султанов, прибывших в Орскую крепость, среди восставших джагалбайлинцев находилась и часть чумекеевцев (в современной транскрипции — род шо-мекей), которые напали сначала на аул султана Усы Алавшина, потом на кочевья султанов Бачана Абдулгазина, Байдана Алавшина, Саналы Мурзагалиева и Медета Турдагалиева. Противники султанов требовали, чтобы они откочевали подальше от пограничной линии [21, л. 18 об.].

Здесь уместно привести замечание российского военного исследователя И. Бларамберга о том, что рода, кочевавшие в середине степи Младшего жуза, такие как дюрткара (торткара), тлеу-кабак, кете, адай, иссык и другие, самые многочисленные в Малой орде, будучи удаленными от приграничной линии, в начале XIX в. были настроены к русским весьма недружелюбно. Их неприязнь питалась государством Хива, с которым они имели частые сношения, посещая хивинские города и принимая у себя хивинских торговцев и духовенство. Ситуация и образ мыслей этих казахов начали меняться после строительства русских крепостей на Сырдарье в 1840-х гг. и разгрома хивинских военных отрядов. Русские отряды проникали в самое сердце степи, воюя с хивинцами, но не причиняли вреда казахам [6, с. 97].

Юсупа Нуралиева удалось спасти благодаря защите русских войск. Однако 13 марта 1832 г. начальник штаба отдельного Оренбургского корпуса генерал-майор Мистров

отправил ему письмо с упреками. В нем говорилось, что султан-правитель не оправдал ожиданий пограничного начальства, не смог прекратить междоусобные распри, допустил невероятные беспорядки на вверенной ему территории. Более того, правитель предпочитал проживать на пограничной линии под защитой русских войск. При этом он посылал в степь посторонних людей взыскивать долги с соплеменников по выдуманным им или увеличенным претензиям. Эти гонцы, основываясь на корысти, притесняли казахов, подрывали доверие к правителю и российской администрации [21, л. 32].

Также выяснилось, что другой султан, Саналий Мурзагалиев, отдавал россиянам много уведенных казахами лошадей, но взыскивал с виновных гораздо больше, чем было украдено, конечно, с пользой для себя. Иногда его иски против казахов были совершенно вымышленными. Поэтому восставшие хотели выманить его в степь письмом, в котором звали присоединиться к себе. Как заключил оренбургский военный губернатор Павел Сухтелен, казахи, убившие султана Медетгалия Турдагалиева, едва ли имели добрые намерения по отношению к Саналию [21, л. 33].

Джагалбайлинцы откочевали от пограничной линии на 300 верст и некоторое время удерживали от приезда на мену в Оренбург другие родовые подразделения — чумекеевцев, алчинцев, дюрткаринцев [21, л. 40]. Гроза на этот раз обошла стороной правителя средней части орды. Комендант крепости Илецкая Защита подполковник Поплавский сообщил, что джагалбайлинцы, узнав о выдвижении в степь русских отрядов, отказались от намерений атаковать аул султана-правителя [21, л. 45].

Однако губернатор высказал недовольство правителю в том, что тот отказался атаковать джагалбайлинцев с помощью подведомственных ему чиклинцев, а предпочел откочевать ближе к линии под защиту русских войск [21, л. 45 об.]. В ответ правитель писал, что опасность для его жизни со стороны джагалбайлинцев не миновала, просил усилить находившийся при нем двухсотенный казачий отряд пушкой и пехотой [21, л. 56]. Он также упрашивал губернатора позволить ему перегнать свой скот на внутреннюю сторону линии, чтобы избежать мести джагалбайлинцев [21, л. 62 об.].

В письме министру иностранных дел Карлу Нессельроде оренбургский военный губернатор Павел Сухтелен охарактеризовал произошедшие события как вспышку междоусобия казахских племен, которая не будет иметь важных последствий, совершенно не упомянув при этом истинные причины восстания: злоупотребления правителя, его неспособность организовать эффективное и справедливое управление [21, л. 33 об.].

Также из-за бездействия Юсупа Нуралиева джагалбайлинцы угнали у арғынского рода 8047 лошадей. Арғыны требовали справедливого суда, а по причине его отсутствия мстили сами [21, л. 332 об.].

Оренбургские власти предписали правителю Юсупу Нуралиеву решить иски казахов по частным делам, междоусобным претензиям, не допускать беспорядки, в противном случае обещали лишить жалованья, а затем и должности [21, л. 333].

Требованием арғынов удовлетворить их иск к джагалбайлинцам пришлось заниматься начальнику Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генсу [21, л. 334 об.]. По причине своего неповиновения султану-правителю арғыны хотели через посредничество Генса только получить вознаграждение за угон скота, но не собирались платить за баранты, сделанные ими самими. Генс посчитал это требование несправедливым и убедил арғынов составить ведомость взаимных претензий, с тем чтобы предотвратить новые случаи угона скота и решить миром взаимные претензии с джагалбайлинцами [21, л. 335—336].

Наконец, при посредничестве Генса, 5 апреля 1832 г. казахи родов джагалбайлы и арғын достигли соглашения о том, чтобы не мстить друг другу за баранты, пленения и убийства нескольких предыдущих лет. Они также обязались впредь баранты и грабежи

не производить. Джагалбайлинцы взяли обязательство возвратить 800 лошадей, аргыны — пленников [21, л. 431]. Более того, стороны решили возможных нарушителей договора доставлять правительству с просьбой не возвращать их в орду [21, л. 431 об.].

В 1833 г. новым оренбургским военным губернатором стал Василий Перовский. Он начал управление казахскими степями Младшего жуза с основания на берегу Каспийского моря Ново-Александровского укрепления [8, с. 310].

Создание Новой Оренбургской пограничной линии также связано с Перовским, которому удалось убедить императора Николая I в необходимости перенесения границы на 100—150 верст в глубь казахской степи. Новая линия была сооружена в 1835—1837 гг. и прошла от Орской крепости на реке Урал на северо-восток по степи, пересекая приток Урала Кумак и притоки Тобола Жилкуар и Большой Аят, до Березовского укрепления на Уйской линии, расположенного примерно в 100 верстах от Троицка, напротив впадения реки Тогузак в реку Уй [29, с. 82].

Это было уже второе межевание земель между казахами и казаками после строительства Новоилецкой линии. Казахам было дано право оставаться на своих кочевьях, но при условии платы за землю, которая должна была вноситься соразмерно пространству, занимаемому кочевьями. Кроме того, оренбургскому военному губернатору предписывалось постепенно готовить казахов этого района, получившего название Новолинейного, к тому, что со временем они будут полностью удалены за черту новой линии. Однако казахи продолжили здесь кочевать. В распоряжение казаков отвели пятнадцативерстную полосу вдоль всей новой линии. Пространство образованного Новолинейного района равнялось 10 100 квадратным верстам [8, с. 311].

Укрепления Новой Оренбургской пограничной линии были атакованы мятежным султаном Кенесары Касымовым. Главной целью Кенесары являлось возрождение Казахского ханства, создание независимого от России государства под своим руководством. Это восстание стало самым масштабным и продолжительным в Казахской степи в XIX в., охватив как Младший, так и Средний жуз. Институт султанов-правителей был активно задействован в борьбе с восстанием Кенесары Касымова. Султаны-правители демонстрировали в ряде случаев свою эффективность и незаменимость в подавлении этого мятежа. Верные России, они собирали ополчения, сражались, гибли в боях, способствовали победам России над мятежниками. Они на собственном примере показывали, что Кенесары как потомок хана не являлся единственным источником традиционной власти, поскольку тоже были чингизидами и выступали носителями сакральных для кочевников управленческих полномочий.

Так, по указанию императора Николая I султан-правитель западной части орды полковник Баймухамет Айчуваков в 1843 г. собрал более 500 казахов-воинов, султан-правитель восточной части орды полковник Ахмед Джантюрин — 400, султан-правитель средней части орды Араслан Джантюрин — 500. Эти отряды казахских ополченцев помогали русским войскам под руководством полковника Бизянова отражать нападения Кенесары [17, с. 231]. В боях с Кенесары погиб преданный России султан Саналий Мурзагалиев [17, с. 260]. 21 июля 1844 г. на реке Улкояк в верховьях Тобола Кенесары окружил отряд ополченцев Ахмеда Джантюрина и полностью его разгромил. В бою погибло 44 преданных России султана [3, с. 266].

Возвращаясь к межеванию земель, необходимо сказать, что правительство в ряде случаев ущемляло интересы уральского казачества в пользу казахов. Таким образом, колонизация не означала ущемления интересов исключительно казахов. В ряде случаев ущерб от имперской политики несли все слои и сословия империи, а не только кочевники. В записке оренбургского военного губернатора В. А. Перовского «Представление на

счет отмежевки земель от Уральского казачьего войска», поданной правительству, говорилось, что указом Сената от 23 марта 1833 г. Уральское казачье войско лишилось возможности использования рек Большой и Малый Узень, Камыш-Самарских озер и других угодий, которые передали казахам для кочевания [26, л. 2].

Кроме того, левый берег реки Урал, согласно тому же указу Сената, не считался собственностью войска и тоже передавался казахам под кочевки [26, л. 3]. В. А. Перовский указывал, что пять малоузеньских форпостов, расположенных на Узенях, в случае реализации сенатского указа существовать не смогут, поэтому Уральское войско понесет существенные траты. Он предлагал исправить ситуацию, не отдавая казакам всего пространства между Узенями, как они просили. Призывал только изменить чересполосную нарезку земель в сплошную, поскольку пять казачьих форпостов на отдельных небольших участках, окруженных казаками, от которых казаки не в состоянии были уберечь скот и сено, выжить не смогут. Для исправления ситуации губернатор считал возможным, отдав речку Малый Узень и оба ее берега казахам, нарезать пяти форпостам полосу земли вдоль правого берега реки Большой Узень, присоединив их участки к земле Уральского войска. Сверх того, он предлагал разделить пополам и Камыш-Самарские озера, в которых казаки нуждались не менее казахов [26, л. 3 об.].

Однако мнение Перовского учтено не было [26, л. 15—17]. Более того, власти снесли переселенческую деревню на правом берегу реки Большой Узень, чтобы освободить место для казахских кочевий [26, л. 8]. Такое межевание земель вызвало протесты и волнения в Уральском казачьем войске, которые усмирялись вооруженной силой [32, с. 96].

Выяснилось, что уральские казаки, когда их соседи оспаривали земли и угодья, зачастую за давностью времени поселения не в состоянии были доказать своих прав [24, л. 4 об.].

Согласно указу Сената от 23 марта 1833 г., уральские казаки лишались ряда земель. Они просили предоставить в их распоряжение левый берег реки Урал, но им было отказано [24, л. 6 об.]. Именно левый — азиатский берег Урала был плодородным, луговым, представлял собой по всей длине реки покосные угодья, луга, тянущиеся до самого степного края, где новым возвышением начиналась казахская степь [24, л. 10 об.].

Таким образом, правительство в ряде случаев действовало в интересах казахов, но не казаков.

Анализ кризиса управления в Букеевской орде, где институт султанов-правителей не вводился, но сохранялась традиционная ханская власть, позволяет сравнить эффективность имперской политики. Крупное и хорошо организованное восстание началось именно там, где ханская власть действовала. Отсюда следует, что сохранение традиционной системы не было спасением от острейших проблем казахского общества. Между тем за восстановление ханской власти боролся основной противник российской власти в казахских степях — Кенесары Касымов [17, с. 7].

Впоследствии казахстанские историки поставили в вину Российской империи отмену ханской власти, последствием которой, по их мнению, стало массовое национально-освободительное движение [10; 11].

Однако казахи активно боролись и против сохранившейся в отдельных регионах ханской власти, влияние русских властей на которую было минимальным. Крупное антиханское восстание под руководством Исатая Тайманова произошло в Букеевской орде (где ханская власть сохранилась), а это означает, что проблемы казахского общества были глубже, чем просто отмена института хана, и не были решены ни традиционной ханской, ни новой султанско-чиновничьей системой. Речь идет о событиях во Внутренней (Букеевской) орде — части Младшего жуза, кочевавшей между Уралом и Волгой. Она

была основана ханом Букеем, который передал власть своему сыну Джангиру. В административном отношении Внутренняя (Букеевская) орда подчинялась оренбургскому военному губернатору, однако первым забил тревогу комендант Астрахани, сообщивший в Петербург о начавшемся в июне 1836 г. восстании бывшего старшины этой орды Исатая Тайманова против хана Джангира [28, л. 1].

Астраханские власти могли временами усиливать в нужных местах кордонную стражу, но не располагали достаточным войском для борьбы с Таймановым. Они лишь довели до оренбургского военного губернатора сведения о сложившейся ситуации и о необходимости принятия мер для прекращения войны между казахами. В сентябре 1836 г. наказной атаман Астраханского казачьего войска Левенштерн сообщил, что Тайманов напал на аул правителя 1-го участка Внутренней орды есаула Караул-ходжи Бабаджанова, разбил его, покушался на его жизнь и увел 550 лошадей, 85 верблюдов, ранил 3 человек. Правитель участка успел собрать из ближайших аулов отряд в 300 человек, преследовал Тайманова, удалившегося с добычей в степь, но был совершенно разгромлен. За исключением взятых в плен, Бабаджанов потерял двух человек убитыми, нескольких ранеными огнестрельным оружием. Астраханский военный губернатор Тимирязев сообщил об этом министру внутренних дел и оренбургскому военному губернатору. В связи с малочисленностью кордонной стражи Тимирязев не решился преследовать Тайманова [28, л. 3].

18 октября 1836 г. хан Джангир Букеев заявил начальнику состоящего при нем отряда Астраханского казачьего войска сотнику Голубеву, что Тайманов не перестает угонять у ордынцев лошадей, грабить, убивать. Джангир также доложил об этом оренбургскому военному губернатору и пограничной комиссии. Для подавления восстания Тайманова из Оренбурга был послан отряд уральских казаков во главе с наказным атаманом Покотиловым. Атаман уведомил, что приверженцы Тайманова разошлись по своим аулам, но это было не так. Тайманов следовал с двумя тысячами приверженцев к ставке хана. Помощь Джангиру направил астраханский комендант генерал-майор Ребиндер. Сведения об этом дошли до военного министра и императора. Из Петербурга поступило указание оренбургскому военному губернатору Перовскому спасти Джангира [28, л. 19].

В ноябре 1837 г. Перовский, в свою очередь, проинформировал военного министра, что Тайманов намерен прорваться на левую степную сторону реки Урал, туда, где правил султан-правитель западной части орды. Губернатор отправил подполковника Геке с отрядом разбить восставших и схватить зачинщиков [28, л. 21]. В отряде Геке было 700 уральских казаков и 2 тыс. казахов, преданных России [28, л. 37 об.].

Также в ноябре 1837 г. Перовский уведомил военного министра Чернышева, что отряд Геке настиг отряд Тайманова и 15 ноября его разгромил. Самому Тайманову удалось бежать, но его сын и 8 ближайших приверженцев были убиты [28, л. 33].

Затем подполковник Уральского казачьего войска Меркульев окружил кочевье Тайманова, но ему пришлось отступить. Однако вскоре аул Тайманова был все-таки захвачен [28, л. 37 об.].

Перовский сообщил императору о причинах восстания, главными из которых оказались неограниченные полномочия хана, злоупотребления и самоуправства над рядовыми казахами ближайших к Джангиру лиц. Поборы хана в подведомственной ему орде были ничем не регламентированы, а сборщики дани бесстыдно злоупотребляли властью [28, л. 41 об.]. Перовский пояснил, что к следствию и разбирательству в орде можно будет приступить только весной 1838 г. Пока же надо стараться предотвратить междоусобицу казахов и помешать откочевкам недовольных в Хиву [28, л. 42].

Оренбургский военный губернатор обратился к казахам Внутренней орды с призывом вернуться на свои обычные места кочевок и обещал прощение от имени императора [28, л. 42 об.].

Однако восстание продолжалось. 13 декабря 1837 г. Тайманов с 30 приверженцами переправился на левую, степную сторону реки Урал. Казачьему разьезду удалось захватить одного человека из его отряда, но остальным удалось уйти. Султан-правитель западной части орды оренбургских казахов войсковой старшина Баймухамед Айчуваков, получив сведения, что Тайманов направился на реку Эмбу, отправился на его поиски [28, л. 49 об.]. Там ему удалось захватить жену, двух сыновей и свояченицу Исатая, однако самому Тайманову с приверженцами удалось скрыться [28, л. 52 об.].

Выяснилось, что Тайманов собирает новый отряд недовольных в урочище Чучка-Куль с намерением вторгнуться во Внутреннюю орду [28, л. 53].

В свою очередь, в апреле 1838 г. астраханский военный губернатор генерал-майор И. С. Тимирязев проинформировал военного министра Чернышева, что ушедший в степи на левый берег реки Урал Тайманов планирует набеги на Уральскую линию и Внутреннюю орду, он объединился с мятежным султаном Каип-Гали Ишимовым, а также известным противником России во Внутренней орде батыром Научей. Кроме того, Тайманов отправил во Внутреннюю орду своих агитаторов, чтобы поднять в ней широкомасштабное восстание. В связи с этим для борьбы с ним оренбургский военный губернатор отправил на укрепление Уральской линии Четвертый Уральский казачий полк. При этом султану-правителю западной части орды с приданным ему казачьем отрядом было дано право переходить на правый берег Урала для поддержки хана Внутренней орды [28, л. 55 об.].

В июне 1838 г. Перовский сообщил военному министру Чернышеву, что рассмотрение взаимных жалоб Тайманова и хана Джангира считает нужным прекратить, поскольку следствие не только не приведет к открытию истины, а только даст повод к новым беспорядкам. Тем самым Перовский косвенно признавал правоту Тайманова, но не мог сказать об этом открыто [28, л. 56 об.].

При этом оренбургский военный губернатор сообщил в Петербург об успешных военных действиях против Тайманова султана-правителя западной части орды войскового старшины Баймухамеда Айчувакова с приданным ему двухсотенным казачьим отрядом. В этом деле султану-правителю содействовал служивший в его отряде зауряд-хорунжий султан Кусангалий Урманов. Свидетельствуя об особенном усердии Урманова и его преданности российскому правительству, Перовский ходатайствовал о награждении его чином хорунжего с правом носить мундир Уральского казачьего войска [27, л. 1]. 28 мая 1836 г. император Николай I утвердил эту просьбу [27, л. 3].

Сам Баймухамед Айчуваков за усердие и преданность правительству был произведен в войсковые старшины с правом носить мундир Уральского казачьего войска, султан Усфендияр Сюгалиев — в хорунжие, а состоявший при хане Внутренней орды депутат при производстве следственных дел на ордынцев султан Недетгалий Чукин — в сотники [27, л. 2 об.].

Баймухамед Айчуваков также способствовал переходу части рода адай во главе с батыром Суюнкаррой в русское подданство. На поступление его в повиновение России родоприводители многих отделений адаевского рода выказали неудовольствие и послали к хивинскому хану Аллакулу биев с жалобой. Вследствие этого хивинцы напали на приверженные Суюнкарре аулы, увезли более 30 женщин и девиц, взяли в плен сына Суюнкарры, а самого его собирались схватить и передать хивинскому хану. На это Суюнкарра ответил, что «разве после смерти кости его там будут, но живой в подданство Хивы не поступит, а

данное на повиновение России и султану-правителю Баймухамету Айчувакову обещание никогда не нарушит» [23, л. 2].

Среди других султанов-правителей, честных и всецело преданных, видевших будущее казахов только в союзе с Россией, выделяется уже упомянутый нами Ахмед Джантюрин, много сделавший для развития торговли, сближения казахов восточной части орды с русскими, установления между ними доверительных отношений [8, с. 403].

В 1847 г. Ахмед Джантюрин получил российский орден Святого Станислава 2-й степени за успешное урегулирование конфликтов между казахскими общинами. Его заслугой стало прекращение вражды и взаимных земельных претензий, существовавших между казахами восточной части орды и их сибирскими соплеменниками. Кульминацией этого процесса стал общий съезд казахских родов в Кушмуруне (на территории, граничившей с Сибирским и Оренбургским ведомствами), где был окончательно разрешен многолетний земельный спор. Согласно историческим данным, после этого съезда практика баранты в регионе прекратилась [9, с. 76].

Также отличался принципиальностью и честностью султан-правитель средней части орды Араслан Джантюрин. Он бескомпромиссно отстаивал интересы России и был убит в 1855 г. батыром Исетом Кутебаровым, перешедшим на службу к хивинскому хану [8, с. 412].

Таким образом, институт султанов-правителей действовал эффективнее, чем сохранившаяся в Букеевской орде ханская власть. Среди султанов-правителей нашлись принципиальные, честные и эффективные в военном отношении личности. Они сумели организовать стабильное управление на вверенных им территориях и бескомпромиссно отстаивать интересы России. Более того, султаны-правители приняли деятельное участие в сохранении ханской власти в Букеевской орде и способствовали нормализации политической ситуации в этом административном образовании в составе Российской империи. Ханская же власть показала свою полную беспомощность, неспособность себя защитить и отстаивать свои права, что лишало аргументов сторонников ее восстановления во всем Младшем жузе. Опора на султанов-правителей оказалась для имперских властей более эффективной, чем поддержка ханской власти.

Заключение

Российская империя до 1867 г. сохраняла традиционную структуру казахского общества в Младшем жузе, используя наследственную аристократию (султанов) в качестве проводников своих интересов. Институт султанов-правителей выполнял две ключевые функции: политическую легитимацию и административное управление. Выступая в роли имперских чиновников, султаны, получившие казачьи чины и право носить мундиры, служили символом легитимности российской власти. При этом в глазах кочевников они сохраняли авторитет как последние носители традиционной власти, становясь необходимым связующим звеном для учета населения, сбора податей и обеспечения порядка на границе. Султаны-правители, став проводниками российских интересов, сыграли важную положительную роль в интеграции Младшего жуза: они обеспечили ликвидацию ханской власти, способствовали межеванию земель (иногда даже в ущерб интересам уральского казачества и на пользу казахам), продемонстрировали высокую лояльность, активно участвуя в борьбе с антироссийскими восстаниями (Жоламан), и в частности с Кенесары Касымовым (А. Джантюрин, Б. Айчуваков). Более того, благодаря султанам-правителям реформа 1868 г., включавшая среди прочего образование на землях оренбургских казахов Уральской и Тургайской областей, прошла относительно безболезненно.

Однако эта политика имела и обратный эффект. Сокращение казахских кочевий вследствие казачьей колонизации привело к восстаниям, в ходе которых султаны-прави-

тели, защищая интересы администрации, шли наперекор своим соплеменникам. Более того, сами султаны зачастую становились источником внутренних конфликтов. Причиной были коррупция, злоупотребления властью и отсутствие действенного контроля со стороны оренбургской администрации, что вызывало антисултанские восстания (например, джагалбайлинцев) и подрывало доверие к имперской власти. Российская администрация старалась балансировать интересы, нанося в ряде эпизодов ущерб казачеству, и стремилась назначать честных правителей, но, не видя альтернативы, вынуждена была спасать своих выдвиненцев вооруженной силой.

Сравнительный анализ показал, что сохранение традиционного ханского правления во Внутренней (Букеевской) орде также приводило к масштабным народным протестам (восстание Тайманова) по причине злоупотреблений властью ханом Джангиром, который при этом не решал ключевые проблемы казахского общества. Это оспаривает утверждения некоторых историков о том, что отмена ханской власти была причиной национально-освободительных движений.

Таким образом, институт султанов-правителей оказался противоречивым: с одной стороны, он способствовал интеграции и эффективной борьбе с внешними и внутренними угрозами (Хива, Кенесары), а с другой — являлся источником внутренних конфликтов из-за своей коррумпированности и неспособности решить ключевые народные запросы (честный суд, прекращение баранты). Неспособность султанской власти стабилизировать кочевое общество привела к ее упразднению в 1868 г. в рамках Великих реформ императора Александра II и переходу к системе народного самоуправления казахов через выборных представителей, основанной на общеимперских нормах.

Список источников

1. Анисимова И. В. Развитие судебной системы казахского общества в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 3. С. 93—97. DOI: 10.15372/HSS20180315.
2. Асфендияров С. Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата; М.: Казахстанское краевое изд-во, 1935. 260 с.
3. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20—40 годы XIX века. Алма-Ата: Қазақ университеті, 1992. 397 с.
4. Бекмаханова Н. Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII—XIX вв. М.: Ин-т российской истории РАН; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 244 с.
5. Васильев Д. В. Административное управление Малой Казахской ордой в первой половине XIX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 40—45.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 14. Ч. 2: Оренбургская губерния / [по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составляли под руководством полковника Бларамберга Генерального штаба штабс-капитан Герн и поручик Васильев]. СПб., 1848. 121 с.
7. Дацышен В. Г., Зиновьев В. П., Лысенко Ю. А., Некрылов С. А., Скубневский В. А., Старцев А. В., Степнов А. О., Фоминых С. Ф., Харусь О. А., Храмов А. А., Шевелев Д. Н., Шевцов В. В., Шерстова Л. И. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2019. 340 с.
8. Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Тверь: Типо-лит. Н. М. Родионова, 1902. Вып. 17. С. 257—524.
9. Избасарова Г. Б. Принципы функционирования властной элиты степи в политической организации Российской империи (на примере службы султана Ахмета Джантюрина) // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2015. № 5/6. С. 64—79.
10. Кабульдинов З. Е. Казахи России в XVIII — начале XX в. Алматы: [б. и.], 2009. 400 с.
11. Козыбаев М. К. История и современность: Проблемы истории Казахстана. Алма-Ата: Гылым, 1991. 252 с.
12. Лысенко Ю. А. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX — начало XX в). Документы и извлечения. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 582 с.

13. Макшеев А. М. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб. : Военная тип., 1869. 257 с.
14. Масов Р., Дубовицкий В. Присоединение Средней Азии к России: события через призму трех веков // Россия и мусульманский мир. 2014. № 10 (268). С. 69—91.
15. Материалы по истории политического строя Казахстана / сост. М. Г. Масевич. Т. 1. Алма-Ата : Изд-во Акад. наук КазССР, 1960. 441 с.
16. Моисеев В. А. Россия — Казахстан: современные мифы и историческая реальность : сб. науч. и публицист. статей. Барнаул : Азбука, 2001. 172 с.
17. Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касимова : сб. документов. Алматы : Гылым, 1996. 512 с.
18. Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб. : Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1854. 345 с.
19. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3428.
20. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3444.
21. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3732Е. Ч. 1.
22. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3771.
23. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 3917.
24. ОГАОО. Ф. Ф-6. Оп. 10. Д. 4109Ж.
25. Почекаев Р. Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV — начало XX в.) // Зангер. 2008. № 4 (81). С. 51—58.
26. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. Ф-405. Оп. 6. Д. 227.
27. РГВИА. Ф. Ф-405. Оп. 6. Д. 1345.
28. РГВИА. Ф. Ф-405. Оп. 6. Д. 1679.
29. Рыбалко А. А., Новикова О. В. Заселение Новолинейного района Оренбургского казачьего войска в официальных документах и исторической памяти // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2020. № 1. С. 82—94.
30. Середа Н. А. Бунт киргизского султана Кенесары Касимова (1843—1847) // Вестник Европы. СПб., 1871. № 8. С. 655—690.
31. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М. : НЛЮ, 2007. 368 с.
32. Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии. Т. 1. СПб. : Типо-лит. В. В. Комарова, 1906. 510 с.

References

1. Anisimova I. V. Razvitie sudebnoi sistemy kazakhskogo obshchestva v pervoi polovine XIX v. [Development of the Kazakh society judicial system in the first half of the XIX century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri — Humanitarian Sciences in Siberia*, 2018, vol. 25, no. 3, pp. 93—97. DOI: 10.15372/HSS20180315. (In Russian)
2. Asfendiarov S. D. *Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen). T. 1* [History of Kazakhstan (since ancient times). Vol. 1]. Alma-Ata, Moscow, Kazakhstanskoe kraevoe izd-vo Publ., 1935. 260 p. (In Russian)
3. Bekmakhanov E. B. *Kazakhstan v 20—40 gody XIX veka* [Kazakhstan in the 1820s—1840s]. Alma-Ata, Қазақ университети Publ., 1992. 397 p. (In Russian)
4. Bekmakhanova N. E. *Prisoedinenie Tsentral'noi Azii k Rossiiskoi imperii v XVIII—XIX vv.* [The annexation of Central Asia to the Russian Empire in the 18—19th centuries]. Moscow, In-t rossiiskoi istorii RAN Publ., St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2015. 244 p. (In Russian)
5. Vasil'ev D. V. *Administrativnoe upravlenie Maloi Kazakhskoi ordoi v pervoi polovine XIX v.* [Administration system of the Junior Kazakh horde in the first half of the 19th century]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke — Humanities Research in the Russian Far East*, 2015, no. 3, pp. 40—45. (In Russian)
6. *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii. T. 14. Ch. 2: Orenburgskaya guberniya (po rekognostsirovkam i materialam, sobrannym na meste, sostavlyali pod rukovodstvom polkovnika Blaramberga General'nogo shtaba shtabs-kapitan Gern i poruchik Vasil'ev)* [Military statistical review of the Russian Empire. Vol. 14. Part 2: Orenburg province (based on reconnaissance and materials collected on site, compiled under the direction of Colonel Blaramberg of the General staff by staff Captain Gern and lieutenant Vasiliev)]. St. Petersburg, 1848. 121 p. (In Russian)
7. Datsyshen V. G., Zinov'ev V. P., Lysenko Yu. A., Nekrylov S. A., Skubnevskii V. A., Startsev A. V., Stepnov A. O., Fominykh S. F., Kharus' O. A., Khramkov A. A., Shevelev D. N., Shevtsov V. V., Sherstova L. I. *Ocherki istorii osvoeniya i izucheniya Severnoi Azii* [Essays on the history of the development and study of Northern Asia]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2019. 340 p. (In Russian)

8. Dobrosmyslov A. I. Turgaiskaya oblast'. Istoricheskii ocherk [Turgai region. Historical essay]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of the Orenburg Branch of the Imperial Russian geographical society]. Tver, Tipo-lit. N. M. Rodionova Publ., 1902, iss. 17, pp. 257—524. (In Russian)
9. Izbasarova G. B. Printsipy funktsionirovaniya vlastnoi elity stepi v politicheskoi organizatsii Rossiiskoi imperii (na primere sluzhby sultana Akhmeta Dzhanturyina) [Principles of operation of the steppe power elite in the political system of the Russian Empire (on the example of the service of Sultan Ahmet Chanturin)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8, Istoriya — Moscow University Bulletin. Ser. 8: History*, 2015, no. 5/6, pp. 64—79. (In Russian)
10. Kabul'dinov Z. E. *Kazakhi Rossii v XVIII — nachale XX v.* [Kazakhs of Russia in the 18th — early 20th centuries]. Almaty, 2009. 400 p. (In Russian)
11. Kozybaev M. K. *Istoriya i sovremennost': Problemy istorii Kazakhstana* [History and modernity. Problems of Kazakhstan's history]. Alma-Ata, Gylym Publ., 1991. 252 p. (In Russian)
12. Lysenko Yu. A. *Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX — nachalo XX v.). Dokumenty i izvlecheniya* [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire. Conceptual foundations and implementation mechanisms (19 — early 20th centuries). Documents and excerpts]. Barnaul, AZBUKA Publ., 2014. 582 p. (In Russian)
13. Maksheev A. M. *Puteshestviya po kirgizskim stepyam i Turkestanskomu krayu* [Travels through the Kyrgyz steppes and the Turkestan region]. St. Petersburg, Voennaya tip. Publ., 1869. 257 p. (In Russian)
14. Masov R., Dubovitskii V. Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii: sobytiya cherez prizmu trekh vekov [The annexation of Central Asia to Russia: events through the prism of three centuries]. *Rossiia i musul'manskii mir — Russia and the Moslem World*, 2014, no. 10 (268), pp. 69—91. (In Russian)
15. *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. T. 1* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan. Vol. 1]. Alma-Ata, Izd-vo Akad. nauk KazSSR Publ., 1960. 441 p. (In Russian)
16. Moiseev V. A. *Rossiia — Kazakhstan: sovremennye mify i istoricheskaya real'nost': sb. nauch. i publitsist. statei* [Russia — Kazakhstan. Modern myths and historical reality. Collect. of scientific and publicist articles]. Barnaul, Azbuka Publ., 2001. 172 p. (In Russian)
17. *Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba kazakhskogo naroda pod predvoditel'stvom Kenesary Kasymova: sb. dokumentov* [The national liberation struggle of the Kazakh people led by Kenesary Kasymov. Collect. of documents]. Almaty, Gylym Publ., 1996. 512 p. (In Russian)
18. Nebol'sin P. *Rasskazy proezhhego* [Stories of a traveler]. St. Petersburg, Tip. Shtaba voen.-ucheb. zavedenii Publ., 1854. 345 p. (In Russian)
19. *Ob''edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg Region] (OGA00). F. F-6. Op. 10. D. 3428.
20. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 3444.
21. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 3732E. Ch. 1.
22. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 3771.
23. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 3917.
24. OGA00. F. F-6. Op. 10. D. 4109Zh.
25. Pochekaev R. Yu. *Osnovnye etapy evolyutsii kazakhskogo suda biev (XV — nachalo XX v.)* [The main stages of the evolution of the Kazakh biy court (15 — early 20th centuries)]. *Zanger*, 2008, no. 4 (81), pp. 51—58. (In Russian)
26. *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archive] (RGVIA). F. F-405. Op. 6. D. 227.
27. RGVIA. F. F-405. Op. 6. D. 1345.
28. RGVIA. F. F-405. Op. 6. D. 1679.
29. Rybalko A. A., Novikova O. V. Zaselenie Novolineinogo raiona Orenburgskogo kazach'ego voiska v ofitsial'nykh dokumentakh i istoricheskoi pamyati [Settlement of the Novolineiny district of the Orenburg Cossack army in official documents and in historical memory]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii — Magistra Vitae*, 2020, no. 1, pp. 82—94. (In Russian)
30. Sereda N. A. Bunt kirgizskogo sultana Kenesary Kasimova (1843—1847) [The revolt of the Kyrgyz sultan Kenesary Kasimov (1843—1847)]. *Vestnik Evropy*, St. Petersburg, 1871, no. 8, pp. 655—690. (In Russian)
31. *Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow, NLO Publ., 2007. 368 p. (In Russian)
32. Terent'ev M. A. *Istoriya zavoevaniya Srednei Azii. T. 1* [History of the conquest of Central Asia. Vol. 1]. St. Petersburg, Tipo-lit. V. V. Komarova Publ., 1906. 510 p. (In Russian)

Информация об авторе

И. Р. Прохоров — кандидат исторических наук, научный сотрудник

Information about the author

I. R. Prokhorov — Candidate of Historical Sciences, Researcher

Статья поступила в редакцию 13.10.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026;
принята к публикации 20.02.2026

The article was submitted 13.10.2025; approved after reviewing 15.01.2026;
accepted for publication 20.02.2026